Александр ТЕРЕЩЕНКО

НЕВЕДОМАЯ РУСЬ

БЫТ И ДУХ РУССКОГО НАРОДА

Неведомая Русь

Александр Терещенко

Быт и дух русского народа

«ВЕЧЕ»

1848

Терещенко А. В.

Быт и дух русского народа / А. В. Терещенко — «ВЕЧЕ», 1848 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-8562-6

А.В. Терещенко (1806–1865) – один из первых российских этнографов и археологов, главный труд которого, многотомный «Быт русского народа», хотя и был встречен множеством критических замечаний (порою не вполне справедливых), составил ему славу «родоначальника русской этнографии». Многие последующие известные ученые отталкивались от этой книги как от основы. В настоящее издание вошел первый том (1848), посвященный преимущественно материальной культуре и отражению в ней национальных обычаев и устоев.

ISBN 978-5-4484-8562-6

© Терещенко А. В., 1848
© ВЕЧЕ, 1848

Содержание

Предисловие 6
I. Народность 10
Свойства людей 11
Разделение людей по очерку лица и образованию тела 12
Славяне, коренные европейцы 13
Свойства славян 15
Свойства русских славян 16
Воинственность 17
Набожность 18
Веселость, гостеприимство и храбрость суть отличительные качества русских 19
Возрастание княжеских детей среди битв 20
Замена наук пастырским учением 21
Ожесточение воинственности 22
Следствия от междоусобия князей 23
Всеобщее уныние и унижение 24
Изменение многих благородных качеств от угнетения 26
Мнения предков о невозможности освобождения из-под ига 28
Время возрождения России 29
Неожиданное приращение России 30
Бедствие возвеличило русских 32
Неизменное свойство веселости 34
Сохранившаяся народность в древних сочинениях 35
Непоколебимость народа и его слава 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Александр Терещенко
Быт и дух русского народа

© ООО «Издательство «Вече», 2020
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021
Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Иностранцы смотрели на наши нравы и образ жизни по большей части из одного любопытства; но мы обязаны смотреть на все это не из одного любопытства, а как на историю народного быта, его дух и жизнь и почерпать из них трогательные образцы добродушия, гостеприимства, благо<го>вейной преданности к своей родине, отечеству, православию и самодержавию. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а более порицали, то мы не должны забывать, что они глядели на нас поверхностно, с предубеждением и без изучения нашего народа, поэтому впадали в большие заблуждения, часто вдавались в заключения странные, переходили от одной крайности к другой таким образом, что если один писатель выставлял похвальным и прекрасным, то другой находил то же самое порочным и смешным; что если один списывал из рассказов, то другой дополнял несбыточными своими истолкованиями и всегда направлял их в дурную сторону. Перечитывая описания, повествования и сказания на многих европейских языках, вы постоянно читаете, и не без улыбки, что все иноземные писатели как бы условились однажды и навсегда хулить и бранить нас, и эта страсть до того проникнута в их сочинения, что нет ни одной книги, которая бы при имени России не восклицала: *«Варварская Московия! Земля дикая, народ в ней раскольнический и совершенно отступивший от чистой католической веры».* Всякий, знакомый с историей своего отечества, знает, что эти приписки на предков наших истекли от непреклонности их подчиниться игу католических проповедников и их верховному представителю, который вместе с ними и легкомысленными писателями называл еще нас *«погибшими чадами», «отверженными детьми от Бога», «овцами без пастыря»,* а поэтому не могущими наследовать Царствия Небесного и наслаждаться благами здешней жизни. Таковые нарекания суть следствия страстей, а не истины; движения изуверных мыслей, а не чистоты евангельской; таковые злословные провозглашения относятся к чести наших предков, а не к бесславию их: они отстояли свое право и достояние и перенесли умно все осуждения, которые пали на головы наших хулителей.

Оставив людские страсти, которые мы относим к понятиям века, нам усладительно вспомнить, что предков жизнь, не связанная условиями многосторонней образованности, излилась из сердечных их ощущений, истекла из природы их отчизны и этим напоминается патриархальная простота, которая столь жива в их действиях, что как будто бы это было во всяком из нас. Кто хочет исследовать быт народа, тот должен восходить к его юности и постепенно снисходить по ступеням изменений всех его возрастов. Тогда мир наших предков не будет для нас безжизненным, мертвым: он представится сильнее нашему воображению, со всеми его причудами и понятиями; тогда увидим все стороны картины: суровой и гордой, воинственной и мирной, несчастной и торжествующей, печальной и добродетельной; на ней увидим предков, увенчанных славою, и сердце наше забьется крепче!

Давно я имел намерение изобразить жизнь нашей Руси, но всегда был останавливаем мыслью: труд не по моим силам. Эта мысль – действительно справедливая – отнимала у меня всякую надежду приступить когда-нибудь; но рассуждая, что и слабое ознакомление, по возможности точное, не должно быть порицаемо, я решился начертить его в *«Быте русского народа».* Не без робости представляю его моим соотечественникам. Если они найдут его достойным своего внимания, то буду радоваться с ними. <…>

Некоторые из отечественных писателей занимались исследованиями русской жизни, обычаев и забав и в начале первых своих трудов обещали многое; потом, встретив трудности, охладели в своем усердии. Вскоре заняли их места два ревностных писателя: г. Снегирев и г. Сахаров. Первый, издав *«Русские простонародные праздники и суеверные обряды»* в четырёх выпусках, остановился. Второй, представив скромно «Сказания русского народа», расширил их впоследствии дополнениями и новыми сведениями. Его сказания, одно из отрадных

явлений в нашей словесности, обратили на себя справедливое внимание любителей народного быта, но, к сожалению, в них есть недостаток, и в этом не г. Сахаров виноват, но постоянные препятствия в собирании сведений; трудность в изложении по чрезмерной разнообразности об одном и том же предмете; местные изменения и переиначивания одного и того же обряда или забавы не только по всей России, но в одной даже губернии, мало этого, в одном и том же уезде, так что делается в одном селении, то в другом, того же уезда, или уже изгнано, или совсем отправляется противоположно. При этом еще неизбежная борьба с суеверными людьми, которые никак не соглашаются пересказывать свои обычаи, и не всегда можно положиться на верность передаваемых ими известий, не говорю уже об игре или о песне, которая переменяется ими быстро, как хамелеон. Песнь только что пересказана вам и записана вами – и вы радуетесь, думая, что она полная, – станете же выслушивать ее от другого, выходит разница не в одних словах, но в расстановке стихов и в порядке самого содержания, так что если бы вздумалось кому-либо исправлять одну какую-нибудь песнь через пересказы многих певцов, то не было бы конца поправкам и исправлениям. Сколько неприятны и нетяжелы подобного рода источники, столько они важны: ими только можно убедиться, что народ наш сочиняет беспрерывно песни, не воображая; что он живет своей жизнью и своей поэзией; что народ наш высказывает в них самого себя, не гоняясь ни за честью – чтоб быть стихотворцем, ни за славою – чтобы слышать рукоплескания в большом свете. Он передает себя живо и часто восторженно: что чувствует неиспорченное сердце его и что мыслит доморощенный его ум.

Приезд иностранцев. XVII в. Художник С.В. Иванов

Изложить быт народа, сколько можно с должной верностью, нет возможности одному человеку: это труд многих. Я старался представить его, сколько мог по моим силам, и отнюдь не думаю, чтобы мой труд не был изменен даже в самое короткое время, и надобно желать, чтобы любители отечественного дополнили его новыми, еще <более> богатыми источниками. Если бы местные жители собирали туземные сведения и делали их доступными, то можно бы достигнуть общего описания русского быта. Только при содействии местных собирателей в состоянии объясниться наш народ. Иначе все излагаемое о нем останется в одних очерках, в

каковых и я представляю здесь. Кто же лучше может знать и должен знать свой край, как не тот, кто родился в нем и живет в нем? Ему известны все уловки и изгибы своего земляка, а этот земляк и важен в своей самобытности.

При собирании мною сведений я встречал бесчисленные противоречия и постоянные исправления, особенно в песнях. Оттого многие из них неполные, сбивчивые или уже сходные с напечатанными, но много достоинства утрачено в наших песнях еще тем, что они напечатаны без объяснения обрядных наших действий. Находятся десятки песенников под названием полных, новых и полнейших, которые большей частью лишены пояснений: при каких случаях поются помещенные в них песни? Какое их назначение, их дух, сила и какой их обряд? Все наши песни слагались по случаю какого-либо печального или радостного события, которое гремело в разгуле веселия, на свадьбе, в игре, забаве и хороводах. Ни одна из них не составлена произвольно, без причины. Песни без изъяснения обрядных их действий скучны и утомительны. Правда, они любопытны, занимательны и поучительны, зато потеряно невозвратно действительное их значение. Можно догадываться и выводить о них заключения, но можно ошибаться и выводить ложные заключения. Этими примерами служат все сборники песен. Конечно, они дорогой запас – должно радоваться и благодарить любителей за собирание, но нельзя не сознаться, что этот дорогой запас подобен алмазам, не имеющим блеска и не могущим получить своего сияния без руки художника. Если в настоящее время не объяснятся песни обрядными своими назначениями, то и в будущем останутся необъясненными: примером тому собрание древних стихотворений Кирши Данилова и др.

Бабушкины сказки. Художник В.М. Максимов

Я боролся еще с напуганностью простолюдинов и их предрассудками. Случалось, что если кто пересказывал свой обряд или передавал свою песню, то вскоре пробуждалось в нем раскаяние, робость и его стращали, что за то, что пересказал, отдадут его под суд! Наш народ

так боится судов, что одно их имя заставляет трепетать его. Случалось, что когда записывал песнь и потом станешь исправлять ее, тогда рассказчик бледнел и произносил жалобно-просительным голосом:

– Батюшка! Не пиши.

– Отчего?

– Почитай, пишешь меня: коли узнает городничий аль земский, беда мне!

Некоторые даже думают, что пересказывать песни стыдно и грех, и эта мысль до того поселилась в головах многих простолюдинов, что никак не разуверишь их в противном и слышишь одни отговорки: да, мне стыдно и грех. Когда я была молода, тогда я была неразумная и пела по глупости своей, а теперь, говорят старые люди, петь грешно.

– Отчего же грешно?

– Да так, грешно.

– Да отчего же так?

– Добрые люди говорят. Вишь, намедни пригрозил мне пономарь: «Марфушка! Не пой». – «Да отчего же, батюшка?» – спросила я его, а он мне в ответ: «Ты голосишь не своим голосом».

Случалось еще слышать, что кто пересказывает песнь, тот пересказывает ее по дьявольскому наущению. Поверяя однажды песнь одного рассказчика с другим, один из них начал смотреть пристально на мою бумагу, потом спросил:

– Скажи, батюшка, кто у нас теперь царь? Не пишешь ли ты по антихристову велению?

В народе есть мнение, что со списыванием песен явится антихрист, которого веления исполняет списывающий, невольно и противу своего ведения, и что это уже верный признак наступлению преставления света.

В изложении быта нашего народа я пользовался устными рассказами и сам был свидетелем многих обрядов и забав. Не многие доставили мне, что обещали, а обещали золотые горы. Многие и очень многие не исполнили своего обещания, быть может по их легкомыслию, а другие, как мне известно, пренебрегли важностью предмета, думая: ну что хорошего – описывать быт нашего мужика. И выйдет все мужицкое! Да простит Бог таковых мыслителей. Из необещавших, но исполнивших больше обещания я могу поименовать только г. Френева и благодарю его от души. Этот молодой человек делился со мною радушно своими источниками.

I. Народность

Народность есть выражение любви к отечеству.

Свойства людей

Все обитатели земного шара, согреваемые одним солнцем, живущие под одним всемирным небом, представляют в своих наклонностях и действиях большое разнообразие. Климат, резко выказывающийся во всем существующем в природе, отпечатлевается равномерно в умственных и физических свойствах человека: в его способностях и деятельности, росте и силе. Жители жаркого пояса, расслабляемые нестерпимым зноем, нечувствительно предаются неге и беспечности. С воображением пламенным, с начинаниями решительными, они весьма скоро охладевают в случае неудач к своим предприятиям. Рассудок их постоянно заглушается страстями. Мстительность и отчаяние, лукавство и малодушие – вот главные качества этих племен, не выдерживающих в себе высокого достоинства и благородной цели в общественной жизни. Поэтому народы, живущие под экватором, ничего доселе не создали величественного и исторического. Обитатели умеренных поясов, в коих сосредоточивается вся Малая Азия и большая часть Европы, ознаменовали себя поучительными событиями: науки и художества, изобретения и утонченность вкуса проистекли отсюда. С крепкою и благоразумною волей, с чувством возвышенным и благородным, с сознанием заблуждений и с исправлением их они шли вперед, дружно стремились к усовершенствованиям и соперничали друг перед другом в утверждении общественного благосостояния. Аравитяне, персы и армяне были водимы по большей части огненными страстями; зато гибельные последствия их действий остались спасительными уроками для других народов: европейцы воспользовались ими и основали на их ошибках свое величие. Люди северных поясов, испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели.

Разделение людей по очерку лица и образованию тела

Самая наружность людей выказывает умственные и телесные силы, которые легко распознаются по очерку лица и образованию тела. Поэтому безошибочно, кажется, можно разделить их на пять пород: 1) монгольскую; 2) малайскую; 3) негрскую; 4) американскую и 5) кавказскую.

1) Монгольская занимает всю восточную и северную часть Азии: ее порода цветом желто-черная и оливково-темная; волосы черные, редкие и жесткие; лицо приплюснутое, под скулами широкое, подбородок узкий; глаза маленькие, нос небольшой, уши большие и отвислые, голова четвероугольная и челюсть выдавшаяся.

2) Малайская заселяет все острова Восточной Индии, Великого океана и часть Океании. Здесь порода цветом черная, волосы вьющиеся, лоб возвышенный, нос короткий и расплюснутый, рот очень большой, челюсть несколько выдавшаяся; росту среднего, талия правильная.

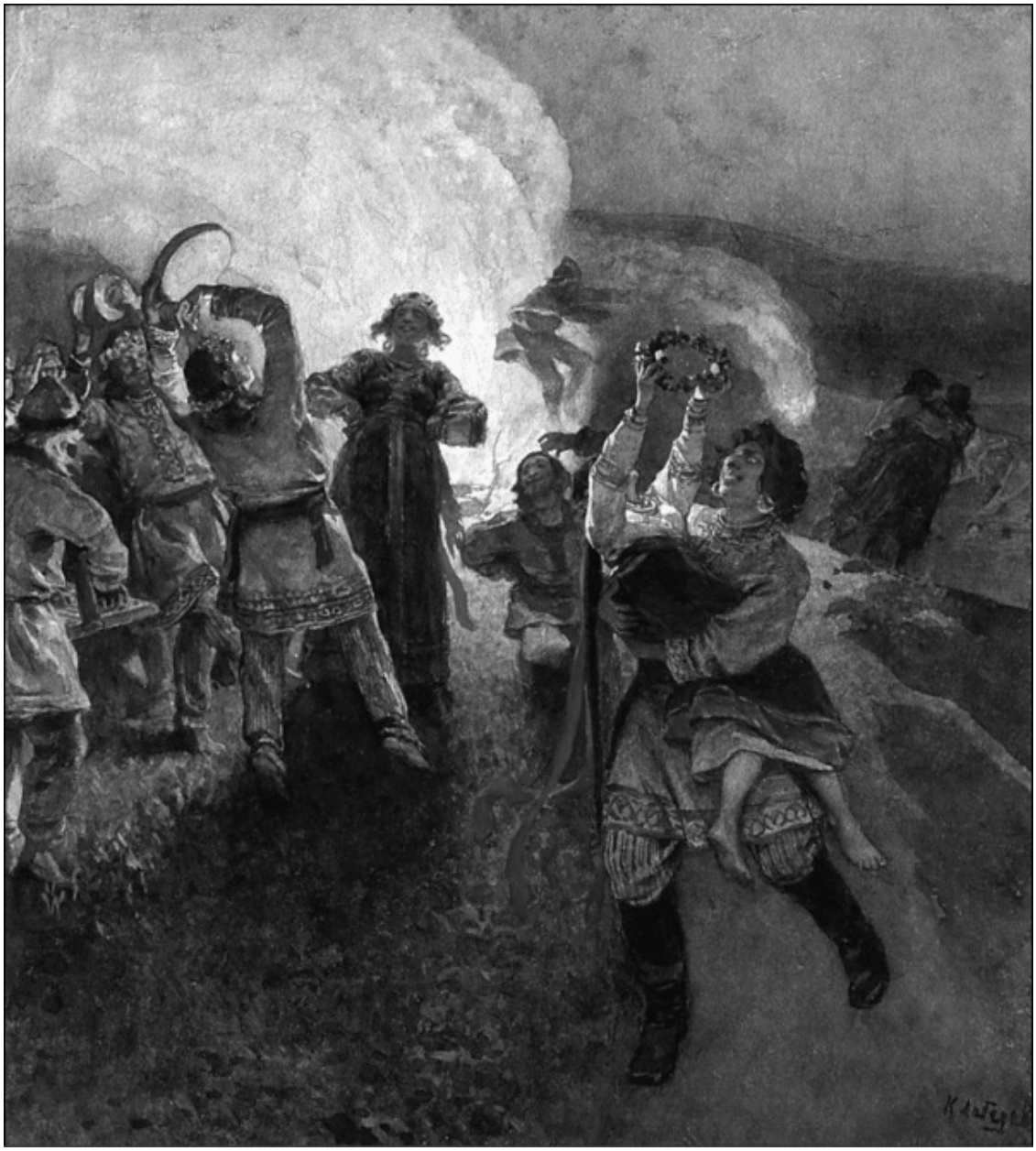
3) Негрская обитает собственно в Африке и большей части Океании. Наружность сажевидная, волосы смолистые, лоснящиеся и курчавые, как войлок, лоб узкий и сжатый, глаза круглые и влажные, нос курносый и как бы отрубленный, губы одутловатые.

4) Американская, принадлежность собственно Америки, исключая эскимосов и некоторых <племен> северо-восточной ее части, отличается флегматическим характером; жители рослые, крепкие и гибкие. Наружностью весьма приятные, цвет лица сходствует с красною медью, нос орлиный, рот средний, губы европейские, глаза большие и черные, волосы черные, лоснящие и жесткие.

5) Кавказская расселена по всей Европе, за исключением самоедов, финнов, лапландцев, маджаров и венгерцев. Она занимает большую часть Западной Азии и северные берега Африки, отличается от всех прочих белизною тела, лбом возвышенным, лицом круглообразным, носом продолговатым под углом от 80 до 90°, ртом умеренным, губами небольшими и приятными, глазами открытыми, светлыми, большими и голубоватыми, волосами тонкими, мягкими и длинными, ростом высоким, поступью гордою, талиею привлекательною, силою и умом гибким.

Славяне, коренные европейцы

К этой породе принадлежат наши предки, славяне. Ошибочно мнение тех из наших писателей, которые выводят их из глубины Азии. Наружность славян противоречит догадочному выводу. Из истории мы видим, что в то же самое время, когда в Малой Азии и Африке славились политическим устройством своим многочисленные республики и монархии (за 2000 лет до Р. Х.), тогда Италия, вся Германия до Дуная и Крым имели уже свои цветущие города: следовательно, народы жили здесь уже давно, и если они не возвышались до мудрости малоазийской и египетской, то причиною тому был недостаток сообщения между тогдашними народами. Однако мудрость Миносов, критских царей, столь была известна, что жрецы и философы Малой Азии и Египта приходили в Крит изучать ее. А это было весьма в отдаленной древности, именно за 1300 лет до Р. Х. Конечно, мы ничего не можем сказать в пользу наших предков, как они жили тогда или чтобы славились уже своими делами, но то должно быть достоверно, что они издревле заселяли Европу и поэтому суть коренные европейцы. Здесь не надобно даже ссылаться на сочинения многих писателей, подтверждающих эту истину; довольно сказать, что славяне наружностию и умом ни в чем не уступают прославленным коренным европейцам – германам и франкам; что они очерком лица, белизною тела, станом и душевными силами суть настоящие европейцы; что они в первые столетия своей известности бедствовали, лили кровь за свою свободу, гибли от раздоров иноземных, но и среди лютых испытаний и переворотов не падали духом – были тверды и непоколебимы, как скала среди бурного моря, и что они своими вековыми несчастьями проложили путь к будущему величию их потомков.



Ночь на Ивана Купалу. Художник К.В. Лебедев

Свойства славян

Славяне, живя первоначально рассеянно по всей Европе и в приморских местах Анатолии, презирали зной и холод, привыкали ко всякой нужде и ко всем лишениям. Дикая пища казалась им вкусною, сырая земля была обыкновенным их ложем. Они гордились крепостью сил и нимало не заботились о наружности: часто в грязи и пыли теснились толпами на сборных местах и рассуждали не об украшениях и богатых одеждах, но о том, что всё достоинство человека состоит в силе, мужестве и быстроте, с помощью коих взлетали они на крутые вершины скал, бросались во рвы и переплывали глубочайшие реки. Загорая от лучей солнца, они были смуглы и волосы имели по большей части русые, подобно европейцам. Искусно бились в ущельях, скрывались в траве и изумляли неприятелей неожиданным нападением; таились еще в реках и дышали в них свободно посредством сквозных тростей, торчавших из воды; жили в норах и лесах и ужасали соседей по Дунаю своими набегами; попадаясь неприятелям в руки, переносили истязания без воплей и стона; умирали в муках, не открывая врагу ни своих жилищ, ни своей силы1. Византийские писатели, которые знали их еще в VI в.2, удивлялись их геройской неустрашимости, превозносили их стройность, высокий рост и мужество. Оставляя кровавые битвы, они возвращались домой с редким добродушием; снимая с себя смертоносное оружие, они забывали своих неприятелей. Кротость и гостеприимство снова водворялись в их уютных жилищах. Славяне дышали простотой, не знали ни злословия, ни коварства. Пленных не тяготили вечной неволею, подобно германам и франкам, но определяли сроки для их свободы, которую они могли выкупать и потом возвращаться на свою родину или оставаться между ними, пользуясь всеми правами дружбы. Балтийские славяне были мирны, избегали войн и любили музыку. Они наслаждались тишиною, когда гунны громили Европу, а германы блуждали по лесам. Чехи и дунайские славяне попеременно воевали с неприязненными им немцами и аварами. Подпав под власть последних (в VII в.), они терпели всевозможные насилия угнетателей, которые впрягали самих жен в телеги вместо волов и коней. Но эти варвары телом великие, умом гордые исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их обратилась в пословицу: «Погибоша аки Обри, их же несть ни племени, ни следок»3. Нет ни одного народа, восклицает один писатель XI в., честнее и благосклоннее славян4. Путника встречали славяне с чрезвычайною лаской, пеклись о его здоровье и с особенною заботливостию передавали его от места к месту. Если же по какому-либо небрежению прохожий подвергался обидам, то соседи мстили за него5. Хозяин, выходя из дому, ставил на стол приготовленную пищу, которою пользовался всякий путник. Бедный человек, не имевший способов угостить неожиданного пришельца, мог унести съестные припасы от зажиточного, чтобы накормить странника. Самое воровство не считалось в этом случае за порок. Удивительная черта гостеприимства! Все славянские племена любили песни и музыку, услаждавшие их в самом горе. Песни воспламеняли сердца мужеством, а музыка смягчала дикость нравов. Сердечное удовольствие отражалось в плясках и играх, состоявших в борьбе, кулачных боях, конских скачках, в прыганье, топанье ногами и вприсядку: а это не есть ли выражение душевного веселья и крепости телесных сил?

Свойства русских славян

Наши предки, расселенные по обширной нынешней империи, отличались самостоятельностью и единодушием, не терпели иноземного владычества: пока действовали согласно, дотоле не знали ни переворотов, ни междоусобий. Каждое племя славянское имело свой нрав и свои обычаи, и это отличало их между собою. Поляне были стыдливы, тихи и кротки; почитали супружеские связи. Древляне жили зверски и скотообразно: убивали друг друга, ели все нечистое, не соблюдали никакого брака. Радимичи, вятичи и северяне витали в лесах, как звери; ели все нечистое, срамословили пред отцами, не знали брака, который заменяли игрищами6, забавлялись пением и пляскою. Вообще нравы сего времени изображают смесь добродушия с дикостью. Впоследствии свет веры смягчил грубость славян.

Воинственность

От Рюрика до Владимира I7 мы видим удальство воинов и постоянное опустошение ими константинопольских пределов. Добыча и корыстолюбие награждали и обогащали и воинов, и великих князей. Отважные Игори и Святославы умели вселить в душу своих сподвижников решимость – почти невероятную. Кто не знает красноречивых слов любимого воинами вождя – князя Святослава, произнесшего их на поле битвы и в коих резко выражено бесстрашие и честь воинственной доблести: «Не посрамим земли русские! Ляжем здесь костьми: мертвым нет срама! Если побежим, то позор нам. Станем крепко!»8 Этот дух поныне живет в русских. Византийские писатели свидетельствуют, что под крепостью Доростелем9 герои наши оказывали чудеса храбрости, которая доходила до остервенения.

Великий князь Святослав. Художник В.П. Верещагин

Когда не могли противостоять оружию неприятелей, тогда они вонзали сами себе мечи в сердце, думая, что убитый врагом должен служить ему на том свете, а потому хотели сохранить свою вольность и в будущей жизни10.

Набожность

Владимир озарил Россию истинной верою. Начали строить церкви и монастыри и укрываться в них от превратностей мирских. Нередко дети знаменитых бояр кончали жизнь в уединенной монастырской келье. Духовенство господствовало над умами народа.

Веселость, гостеприимство и храбрость суть отличительные качества русских

При всем благочестии наши предки не забывали и веселой жизни. Набожный Владимир пировал по неделям в кругу граждан, и однажды он сказал: «Веселие русского – питье, без него мы не можем»11.

За княжескими столами кипел мед, любимое тогдашнее питье. В этих угощениях государь был окружаем своим семейством – народом. Пили мед, но хвалили трезвость как добродетель; любили веселье, игры, забавы, музыку и пляску. Бояре, воеводы, знаменитые сановники и духовенство, забывая свой верховный сан, угощали друг друга; простой гражданин сидел наряду с боярином и пил с ним из одной чаши. Вельможа гордился не пышным титлом, но братством; сердца всех сливались в одно чувство любви к отечеству и престолу. Ратоборство не усыплялось туком роскоши; воины, поборая за отечество, гремели славою побед. Церковные уставы укрепляли доблестные подвиги: воин пред днем похода освобождался от всякой эпитимии и принимал тайны причащения12.

Возрастание княжеских детей среди битв

Княжеские дети росли на браном поле, и едва протекали их младенческие лета, они уже с мечом сидели на борзых конях. Святослав I, будучи еще отроком (в 946 г.), метал копьем во врагов – древлян13. Десятилетний Георгий и пятилетний Владимир, сыновья в. к. Всеволода III, были под осадою г. Пронска14.

Замена наук пастырским учением

Святители и пастыри церкви учили народ и государей. Наука считалась тогда сверхъестественным знанием. Честность и благородство души, справедливость и совесть руководили простым, но светлым умом.

– Да будем золоти, яко золото, – говорили наши предки вместо клятвы15.

Митрополит Киевский Никифор, славившийся душеспасительными наставлениями, так писал к Владимиру Мономаху: «Ум есть око души. Ты, государь мудрый, управляешь своим народом чрез воевод, а душа управляет телом посредством пяти чувств. Твой ум постигает смысл каждого слова: мне ли предписывать тебе законы умеренности? Властитель земли сильной! Твоя десница ко всем простерта. Ты не таишь ни серебра, ни золота; но раздаешь их. Благодать Божия пребывает с тобою. Скажу одно: душа обязана поверять действия своих чувств, а государь своих слуг. Испытай, князь, помыслы об изгнанных, осужденных и презренных неправдами. Вспомни, кто кого оклеветал, и сам суди. Не печалься моей речью и не думай, чтобы кто приходил ко мне печален и просил, чтобы я писал к тебе. Пишу только для воспоминания, ибо твоя власть великая требует великого отчета; пишу, как церковь повелевает пастырям говорить правду князьям. Знаю, что и мы, грешники, покрытые греховными стругами, нуждаемся в исцелении… Человек в лице, а Бог в сердце»16. Россия вскоре прославила Нифонта, новгородского епископа, запечатлев его имя названием «поборника всей земли Русской»; ибо он мирил князей и хранил православие. Когда он умер в Киеве, находясь здесь по делам церкви, тогда все плакали по нем, и современный летописец Новгорода восклицает: «За грехи наши мы лишились здесь видеть гроб его!»17

Ожесточение воинственности

Воинственный дух наших предков носит уже во время междоусобных браней отпечаток бесчеловечия и зверства. Удельные князья, кипя злобою друг на друга, убивали безоружных, поражали мирных граждан смертоносным оружием; предавали селения мечу и огню и тщеславились опустошением отечества! Таковые события должно приписать ожесточению, мести, необузданности и непросвещению князей, но как должно судить об них потомство? Оно произносит беспристрастный суд над виновниками несчастия. Но не одна отечественная история наша памятна событиями грустными: мы находились еще в полуобразованном состоянии, но лучше ли нас в этом <отношении страны> Европы тех же веков? Грабежи, истребления целых городов, кровавые дела безрассудного рыцарства, постоянное восстание вассалов, кровожадность принцев и королей, безнравственность духовенства и его сластолюбие ознаменовали эти самые времена.

Следствия от междоусобия князей

Несчастья, происходившие от раздоров наших удельных князей, были естественным следствием всеобщего бедствия: нашествие татар поглотило Россию. Тогда расстроилось гражданское благосостояние и самое человечество унизилось; тогда отечество, обагренное кровью, утешалось еще тем, что оно могло оплакивать бедственное событие Калкской битвы18. Наши праотцы были осуждены на рабство! Отряд Чингисханова войска, остервененный сопротивлением великого князя киевского Мстислава Романовича, рубил жителей беспощадно и все обращал в пепел. Этот князь, достойный имени Мстислава, явил на себе пример воинственной гордости. Заслонив берега реки Калки с небольшою дружиной, он решился умереть со своими воинами. Три дня бились с ним лютые враги и не могли одолеть; но, прибегнув к льстивым обещаниям пропустить, если он оставит поле битвы, устремились на отступавших и вероломно изрубили всех в куски; трех князей задушили под досками и пировали на трупах истребленного полчища. Вот чем ознаменовалось первое бедствие; за ним последовало зло гораздо ужаснейшее, это – иго!

Всеобщее уныние и унижение

Суеверие носило молву, что татары суть предтеча разрушения мира. Народ стенал и с воплем обращался к Богу: «Всевышний! Ты караешь Русь в своем праведном гневе, но откуда же сии страшные пришельцы? Ты один знаешь, великий Боже! Мудрые книжники ведают, но мы не постигаем, кто они. Мы знаем их по нашим страданиям»19. Страх был повсюдный: все постились. Духовенство день и ночь воссылало молитвы к Тому, Который одним мановением сокрушает величие царств. Прощались со здешним миром, готовились к последнему суду. Все думали, что близок час разрушения вселенной! Толпами стекались в мирные кельи, надевали монашеские одежды и верили, что она их спасет. Молились, чтобы Бог пощадил их от мечей татарских, по крайней мере для принесения раскаяния в своих грехах. Этот ужас был подобен тому, какой распространяли норманны в VI в., когда они свободно опустошали Англию, Шотландию, Францию, Андалузию и Италию. По церквам тогда читали установленную молитву: «Спаси нас, Господи, от ярости норманнов»20. Униженные наши праотцы не находили заступников. Головы князей падали в Орде по одному взгляду ханов. Многие из князей запечатлели свою жизнь мученической смертью. Роман, князь рязанский, неосторожно говоривший в Орде об Алкоране, был потребован к ответу Мангу-Тимуром. Князь смело говорил свое мнение. Озлобленные поклонники Алкорана заткнули ему рот, изрезали его по суставам и, содрав с его головы кожу, воткнули голову на копье. Русские плакали по своем князе, но славили умершего за православную веру21. Все трепетало пред именем хана; что он ни приказывал, все повиновались раболепно. Только говорили: «Царь велит, царь приказывает, да будет его воля!» Из этих слов произошла древняя пословица: «Близ царя, близ смерти». Князья наши ездили в Орду, как на Страшный суд. Представляясь царю, они не ручались за свою жизнь. Ласкаемые и угощаемые ханом, они не были еще уверены, как их отпустит царь. Нередко после милостивого принятия следовала смерть. И тот был счастлив, кто мог возвратиться в отечество с головою! Потому все наши князья, вельможи и сопровождавшие их, отправляясь в Орду, принимали Тайны Св. Причастия, прощались навсегда со всеми родными и знакомыми и писали духовные завещания22.

Не утомляя внимания читателей изображением тогдашних бедствий, не можем, однако ж, пройти молчанием о том унижении, какое должны были совершать наши князья при приеме послов.

Баскаки. Художник С.В. Иванов

Когда хан отправлял посла в Москву, тогда великий князь встречал его за городскими воротами, как самого царя, и подносил ему чашу кобыльего молока. Князь наблюдал пред ним величайшее почтение, безотчетную покорность и не смел пред ним садиться. Когда посол садился на коня, тогда князь наклонял пред ним свою спину, а тот, став на нее ногами, взлезал на лошадь23. Этот обычай прекратился в конце XV в. София, супруга в. к. Иоанна III, убедила его не встречать ордынских послов24. Никто не избегал угнетения, и никто не был уверен ни в своей собственности, ни в своей жизни. Богачи лишались имений без всякой вины; матери оплакивали честь дочерей: враги презирали невинность! Часто жены и девицы, защищая свою добродетель, бросались с высоких хором или поражали себя ножами! Часто татары в глазах родителей топтали младенцев конями и смеялись над воплями несчастных; часто в присутствии детей они вырывали внутренность отцов и матерей и сдирали с живых кожу. О, тогда живые завидовали мертвым! Гордые некогда боярыни преклоняли с трепетом свои головы пред повелениями татарских жен; нося прежде золотые ожерелья и шелковые одежды, едва уже прикрывали наготу рубищем; некогда окруженные толпою слуг, они сами сделались рабынями татарок: носили для них воду, мололи хлеб, готовили пищу в дымной избе, в коей закуривали свои нежные, белые лица чернотою неволи; тогда уже никого не различали. Потушали самую честь, которая драгоценна только при благоденствии.

Изменение многих благородных качеств от угнетения

Наши праотцы, повинуясь всему, искали облегчения; но варвары следовали другому образу мыслей: они думали, что покоренные не могут быть друзьями победителей; что истребление первых необходимо для успокоения последних. От таковых действий азиатской политики изменился народный дух: угнетение, страх и раболепная покорность унизили благородные свойства. Обман уже не был пороком, клевета не казалась гнусным поступком. Лишение женской свободы, введение холопского состояния, брание взяток, наказывание кнутом на торговых местах, клеймение воров за кражу, вешание преступников и всеобщее невежество достались в удел от поработителей. Самые благороднейшие чувства стыда, чести и совести исчезли: мы пресмыкались и низкими доносами губили единокровных. Разоряли даже собственные свои владения. Мы гибли от самих себя, а татарские мечи довершали наше горе. Победные венки наших предков не пленяли угнетенных. Некогда витязи говорили своей дружине: «Станем за отечество и смертью искупим его, а ныне и последняя искра любви угасла. Горе нам, горе!» – восклицают современные летописцы. «Защитники добрые исчезли; ничто не ратоборствует за нас; кровь льется за хана. Прошли те благословенные годы, когда великие князья не разоряли нас, не грабили единоземных владений. Сокрылись навек от нас покой и гражданское счастье! Баскаки сидят у нас на троне, наши государи преклоняют колена пред ними, а с нами они поступают как с презренными, осужденными на вечное рабство: закладывают, продают и убивают без суда». Понятие о чести и справедливости так изменилось тогда, что князь липецкий Святослав почитался нами за злодея, потому что отражал насилие татар; а князь рыльский Олег, вонзивший в его грудь свой меч, был похваляем современниками. Самые нравы носили тогда отпечаток азиатской свирепости. Одно великокняжение Василия Темного ознаменовано многими злодействами. Князь Василий Косой отсек руку и ногу Роману, кн. переславскому; в. к. Василий и племянник его Василий Косой ослеплены; кн. Шемяка и кн. литовский Михаил отравлены. Чернь без всякого суда топила и жгла людей. Кн. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре с женою за мнимое волшебство. Верные гибли, гражданское бытие исчезло, порядок и тишина, необходимые средства для возрастания благосостояния, нарушались еще постоянными набегами и внутренними смутами. Дети великих князей спорили о наследстве престола, а племянники с дядьями; вероломство следовало за вероломством, разбои за разбоями, в коих отличился хищный князь Борис Александрович Тверской (1445 г.). Так поступил и Дмитрий Шемяка, нарушавший постоянно спокойствие великого княжения и давно сделавшийся ненавистным народу. Духовенство вступалось за бедствия отечества, напоминало Шемяке, что он не живет в мире, грабит бояр, тайно сносится с врагами. В несчастных временах России православные пастыри являлись ее утешителями. Они укрепляли народ верою и грозили небесною карой губителям благосостояния. Они бестрепетно напоминали князьям их долг и сами свято выполняли свое призвание: говорили истину, не страшась гнева. «Ты ведаешь, – писали наши святители к жестокосердому Шемяке (1449 г.), – сколько трудился твой отец, чтобы присвоить себе великокняжение: лил кровь россиян, сел на престол и должен был оставить его; выехал из Москвы с пятью слугами и сам звал Василия на государство; снова похитил престол и долго ли пожил? Едва достиг желаемого и скрылся в могиле, осужденный людьми и Богом; но что случилось с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал христиан – благоденствует ли ныне? Вспомни и свои дела! Когда безбожный Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною пролития христианской крови. Сколько сожжено храмов, убито людей, поругано девиц и монахинь! Ты, ты будешь ответствовать Всевышнему! Великий князь молил тебя идти с ним на врага – но тщетно. Пали верные воины в крепкой битве: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи, но ты, вторый Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем

схватил великого князя, истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал и в тишине ли? Волнуемый беспрестранно страхом, ты не находил покоя днем и не знал ночью сна от страшных сновидений: искал великого княжения и погубил свой удел. Великий князь снова на престоле: данного Богом не отнимет человек! Но ты и ныне не выполняешь клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь от новгородцев войска, будто бы для изгнания татар, призванных Василием для своей защиты. Они немедленно будут высланы из России, когда докажешь свое миролюбие к государю. Он знает все твои происки. Мы, служители алтарей, молим тебя, господин князь Дмитрий, очисти совесть, удовлетвори праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, тогда не мы, а сам возложишь на себя духовную тягость: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками». Эти убеждения не подействовали на Шемяку. Он начал войну и в битве под Галичем потерял свой удел25. Пастыри духовные проповедовали мир и желали благоденствия народу. Св. Иосиф, основатель волоколамского монастыря, сильно изобличал даже тех из духовных, которые вводили расколы. Так он писал к суздальскому епископу Нифонту по случаю распространившейся жидовской ереси: «Древние орлы веры, святители наши, возвещали истину в вертограде церкви». В важных случаях, где требовалось приговора решительного, возвышался голос достойных пастырей26.

Мнения предков о невозможности освобождения из-под ига

Европейские государства в XIV в., когда мы стенали в оковах собственного плена, стремились к просвещению. Какое же сравнение нашего состояния с европейским? Невежество, грубость и забвение сознания, что мы повелевали некогда обширными и богатыми странами, овладело нашими умами до суеверия. Мы думали, что нельзя восстать противу угнетателей, что одна небесная сила, а не человеческая могла бороться с врагами веры и народности. Утрата независимости обезоруживала нас, и мы, как низкие поклонники, не смели замышлять о справедливой свободе: деспотизм давил! Народ и государи, смиряясь по необходимости, страдали и безмолвствовали. Казалось, что нельзя уже было надеяться, кто бы напомнил им о прежнем их величии и могуществе, кто бы воспламенил их самоотвержением. Хотя победы невские и раковорские свидетельствовали монголам о силе нашего меча, но мы не восставали против наших поработителей. Ум Александра Невского блеснул во мраке, а Раковорская битва оставила одни печальные следы воспоминания27. Всяк заботился о сохранении своей жизни; казалось, что никто не хотел слышать, что друг его, его соотечественник, гибнет от руки татарина; что по стогнам льется кровь без наказания; что кинжал дерзкого самоуправителя рассекает с зверской радостью верных поборников отечества; что прекрасные и добродетельные жены преданы поруганию; что свобода мыслей уничтожена и цепи рабства заглушали повсюду святую любовь к Родине, Отечеству, своей собственной жизни – в неволе было не до просвещения! От Владимира Равноапостольного до смерти Владимира Мономаха был у нас счастливейший период благосостояния и просвещения. От Мономаха до Донского28 – горестное воспоминание! – это период наших бедствий: тут мы совершенно загрубели от татарского ига. Россия не уцелела бы от совершенного уничтожения, если бы не способствовали ей внутренние раздоры в Орде.

Славяне мужественные, сильные, верные, бестрепетно взиравшие на смерть, думали ли когда-нибудь, что их потомки будут стенать в рабстве! Отдаленная будущность ничего не предвещала им ужасного. Их будущее мы только знаем, прошедшее изучаем, настоящее нас радует. А что таинственное будущее готовит нашим потомкам?

Время возрождения России

Народ объясняется событиями, и если мы в продолжение двухсотлетнего рабства не лишились своей самобытности, то не менее обязаны, кроме раздоров в Золотой Орде, действию Веры: в унижении мы любили Отечество как землю православия; пресмыкаясь в Орде, мы тихо и медленно подкапывали доверие властелинов. Князья ослепляли ханов золотом, бояре и народ почитали его своим царем. Великие княжества Владимирское на Клязьме и Московское, более всех наученные опытами междоусобия, стремились к государственной целости. Утверждалось наследственное право, уделы присоединялись к великому княжению. Мы шли вперед постепенно, но верно: так начал в. к. Даниил в начале XIII в., первый великий князь московский; сын его Георгий, зять хана Узбека, усыпляя его родством и преданностию, расширял свои владения. Брат его Иоанн Калита снискал полную доверенность Узбека (в начале XIV в.); внук его Димитрий Донской решился на битву с Мамаем. Наши предки, исчисляя все бедствия, претерпенные от угнетателей, пробудились от глубокого сна и долговременного ужаса. Они сами дивились постыдному терпению своих отцов. Все вспоминали древнюю свою независимость и ревновали сбросить цепи рабства – одни мечом, другие молитвою. Мужи и юноши точили оружие; жены и старцы молились в храмах; богатые раздавали милостыню, бояре и граждане собирали воинство, а народ готовился умереть за отечество. Наступила Куликовская битва (1380 г. сентября 8), заря освобождения, и все говорили: «Час суда Божиего наступил; умрем, братия, за Отечество!» Решительная битва увенчала общий порыв. Виновники славы, кн. Владимир Андреевич, внук Калиты, прозванный Храбрым, и Дмитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгар, воодушевили полки. Хотя эта битва не доставила никаких существенных выгод, кроме славы, однако она произвела благодетельное действие в умах: стали думать, что враги не суть непобедимые, что тиранов истребить можно, что сам Мамай разбит и бежал29. Наследник Дмитрия, Василий, был уже ласкаем и чтим в Орде: ханы требовали одной только покорности. Народ поздравлял друг друга, что дожил до времен столь счастливых, и считал Мамаево побоище выше Альтской и Невской. И действительно, это событие до времен Полтавской битвы (1709 г. июня 27) есть весьма важное в истории нашей: оно доказывало возрождение сил русских и подкрепило его в несомненном освобождении. Самые добродетели воинские, запечатлеваемые верою, внушали безотчетную преданность к отечеству. Измена наказывалась примерной строгостью ввиду врагов. Наместник смоленский, князь Василий Шуйский, узнав, что злоумышленники государства заманили литовцев под Смоленск, велел схватить заговорщиков, одел их в собольи шубы и бархат; потом, привязав им на шеи жалованные королем Сигизмундом серебряные ковши и чары, вывел на городскую стену и повесил на глазах неприятелей! Граждане и воины славили справедливость наместника и доказали свое усердие к отечеству мужественным отражением врагов30. Дух народной гордости был уважаем даже врагами. Но возвеличение России предназначено было Иоанну III, хотя менее счастливому, однако Великому. Доблестные полководцы его Холмский, Стрига и Щеня поражали врагов, а он, сидя дома, утверждал государственное бытие внешней и внутренней политикою, восстановлял свободу и целость России; искал орудий для собственных выгод и никогда не служил орудием для других; действовал как великий муж без страстей в политике; имел в виду одно благосостояние и достигал его. От хижины до престола – все спешило к своей независимости: бояре и духовенство, воины и земледельцы славили век Иоанна III, который разительно сходствует с Петром Великим: первый был творец, а второй преобразователь России. Оба ревностно вводили искусства образованных народов, и оба созидали ее могущество.

Неожиданное приращение России

Сверх тяжких опытов судьбы, сверх бедствий удельного правления и ига монголов наше отечество должно было испытать грозу Иоанна IV; но с любовью к самодержавию оно повиновалось ему. В смирении великодушном умирали доблестные сыны отечества и мирные граждане; духовенство и жены31. Все говорили о долге и чести, и под осадою гор. Вендена (в 1578 г. октября 21, в Лифляндии) это подтвердилось на самом деле: воеводы кн. Вас. Андр. Сицкий, окольничий Василий Федосеевич Воронцов, Дан. Бор. Салтыков, кн. Мих. Вас. Тюфякин не хотели сдаться и нашли смерть под ее стенами; а московские пушкари, тем же одушевленные, повесились на своих орудиях. Эти люди не искали славы, но думали о чести; имена их неизвестны, но их подвиг служит трогательным примером доблести воинской.

Освоение русскими новых земель. Художник К.В. Лебедев

Действуя с полною уверенностью в том, что силы возрастали, русские приобрели царства Казанское и Астраханское, и горсть донских и волжских казаков в числе 840 человек под предводительством Ермака Тимофеевича завоевала Сибирь: от березовских пределов до Тобола (1582 г.). «Бог послал нам новое царство», – говорил народ с живейшею радостью и пел молебны благодарственные. Преемники Ермака довершали завоевание дикого и сурового края от Каменного пояса до Северной Америки и Восточного океана. Труды вознаградились богатыми рудниками, дорогими мехами и выгодной торговлею. В то время как толпы Кортеса и Писарро распространяли завоевания в Америке (около 1519 г.), русские вели торговлю по хребтам уральским, укрепляли там свою оседлость мечом, селились спокойно между Камою и Северной Двиною, привлекаемые сюда изобилием, дешевизною, выгодами мены с полудикими народами, доставлявшими во множестве дорогую мягкую рухлядь. Самое жестокое правление царя, казалось, было заглушаемо радостными событиями нашего отечества, приобретавшего новые и обширные страны и входившего в тесные связи с иностранными державами, преимущественно с Англиею.

Бедствие возвеличило русских

Россия возвеличенная должна была испытать новые удары несчастий в течение 15 лет (1598–1615 гг.), со времен Бориса Годунова до восшествия на престол Богом ниспосланных Романовых. Хотя распространение пределов Сибири до Северного океана упрочивало наше могущество, доставляло богатство, славило народный дух и отважные предприятия новых витязей, хотя ногайские и крымские татары страшились русского меча, хотя древняя Иверия (Грузия) увеличивала славу нашу с принятием ее под покровительство наше (1604 г.) и царь грузинский Александр считал нас своими защитниками, однако мы сами нуждались в защите от неожиданных появлений – лжецарей. Возобновилось время бедствий! Цари Годуновы и Шуйские гибли; самозванцы возмущали народ, который сам не знал, кому верить; партии крамольников и губителей пользовались смутами и объявляли царями то из иноземных властителей Польши и Швеции, то попеременно являвшихся Лжедмитриев. Блистательные успехи доблестных мужей: Прокопия и Захария Ляпуновых, победы кн. Скопина-Шуйского, подвиги Истомы Пашкова, Лыкова и кн. Андр. Голицына не могли остановить полчища мятежников; шайки польские и татарские грабили повсюду. Окрестности Москвы кипели бродягами, внутри ее рыскали ватаги буйных Жолкевских, Сапегов, Гонсевских, Хоткевичей и немца Струйса: рубили и все жгли, что им попадалось. Сердце России было разорвано, воины рассеяны, города и селения в пепле, жители в ужасе, правительство в бессилии. Казалось, что народная самобытность исчезла, и к довершению ее разорений – поляки осадили Троицкую лавру, но это самое спасло Россию! В общем унынии духа еще не все упало. Гетман Сапега, злодей Лисовский, князья Тишкевичи, Вишневецкие и другие начали осаду (1608 г. сент. 23) с 50 000 армией; между тем, как в обители смиренной находилась горсть иноков, высоких единственно душою, коими управляли достойные бессмертия кн. Григ. Долгорукий и Алексей Голохвастов. Все целовали им крест, чтобы не выдавать отечества. День и ночь бились, больные и раненые лежали на дожде без присмотра; юноши и дряхлые заступали их места; много падало от зимнего холода, а еще более от голода; но никто не думал о сдаче. Шестнадцать месяцев обороняли иноки лавру и со славою отстояли. Таковых примеров не много во всемирной истории. Сколько твердости, сколько чувств благородных в народной гордости! Старцы и жены умирали с честью, никто не боялся смерти. Вся Россия была усеяна трупами ее сынов; внутренность ее была изрыта могилами – все гибло, кроме добродетели и чести. Но когда восстала вся Россия на своих врагов, тогда все поклялись испить смертную чашу. Два мужа, назначенные Провидением для спасения отечества, начали первые: старец патриарх Гермоген и Захарий Ляпунов. Гермоген, не соглашавшийся на возведение на русский престол польского короля, был заточен на Кирилловском подворье. Томимый заключением, он стоял у гроба, но и на пороге вечности ревностно занимался судьбою своего отечества. Пламенная любовь к отечеству подкрепляла дряхлые и горестные дни его жизни. Он молился за спасение России, клял мятежников, убеждал бояр не жертвовать церковью; он один среди коварства и обмана не был коварен. Изменники много раз приступали к святителю, требуя его благословения на избрание нового царя. Сам Гонсевский увещевал его, угрожал ему гневом короля и даже смертью. Ветхий старец, указывая на небо, говорил: «Боюсь Одного, там живущего!»32 Изнурением голода думали убедить его, но он благословлял народ на защиту отечества, и предсмертный голос его был о спасении России.

Так кончил жизнь свою великий иерарх – лучезарное светило отечества. Смерть его воспламенила сердца всей России; все люди закипели мщением. Опорою бедствовавшей России еще оставался Ляпунов, но злодей Заруцкий оклеветал его пред своими казаками. Они взволновались, провозгласили его изменником, и среди высоких помыслов об освобождении отечества Ляпунов встретил неотвратимый удар – он пал на гроб отечества! Великие тени Гермогена и Ляпунова навсегда пребудут в событиях истории священными33. Казалось, все погибло со

смертью этих великих защитников. Отечество погрузилось в печаль безутешную: все страдало и плакало. Думали, нет надежды на избавление: нигде не видели спасителей. Но на голос о спасении явились Козьма Минич Сухорукий и кн. Дм. Мих. Пожарский, и тогда единодушно объявили своим царем юного Михаила. Враги, однако, подослали злодеев в Ипатьевский монастырь, в коем жил Михаил, чтобы умертвить его. Крестьянин Ив. Сусанин известил избранного на престол об угрожавшей ему смерти и сам умер за него, будучи замучен поляками34.

К концу 1612 г. большая часть России очистилась от наших губителей, и это самое время, лютейшее из всех государственных, ознаменовало русских более, нежели когда-либо. Тут вылился весь народный дух, кипевший священным чувством любви к отечеству. Народ познается только в бедствиях. Чувство благородного самоотвержения восторжествовало, и отечество вышло из пучины смут и крамол светлым, чистым, блестящим, как солнце! Всегда, во все века, были у нас разительные доказательства самопожертвования. Это не пристрастие, а истина, как Божий свет. Быть молчаливым о славе своего отечества, великих деяниях народа – это обнаруживает одно робкое и неуместное смирение, которое весьма вредно в политике.

Неизменное свойство веселости

Предки наши и в самой неволе увлекались забавами и пляскою. Горе их услаждалось тихим и боязливым весельем, которое отразилось в песнях, напоминающих доныне грусть и тоску. Пение нередко сопровождалось музыкою, которая невольно переходила в печальные звуки сетования. Оттого напев и музыка русского заунывные. Некоторые игры доселе носят отпечаток истомы, олицетворенной в голубе, коршуне, сером волке и пр. Предрассудки и суеверия владели умами; искусства и художества начали распространяться только со времен Иоанна III. Тогда стали уважать плоды гражданского образования, но любили святыню древних нравов и простоту жизни, отдавая справедливость разуму и просвещению; перенимали все, что было хорошее, отнюдь не чуждались иностранцев, приносивших к нам полезное с собою.

Пляска. Художник К.В. Лебедев

Древние народные обычаи мало изменялись до конца XVII в. Хотя мы познакомились с винами иноземными, однако русские яства и хлебосольство, радушие и роскошные одежды еще напоминали и тогда старинную самобытность. Все любило свое собственное, им жило и веселилось, и это чувство переходило от потомства к потомству как завет самосохранения.

Сохранившаяся народность в древних сочинениях

Науки облагораживают сердце, раскрывают душу и возносят ум; но без истинного просвещения они не согревают, а воспламеняют; не ведут к цели благосостояния, а кружат головы пылкими затеями и превратными начертаниями, потому знания, жизнь народов должны отсвечиваться в действиях общих, а не гениев. Русские издавна любили науки и постоянно стремились упрочить их своими понятиями и своим образом жизни. В первых веках нашей гражданственности познания тесно сливались с народностью, могуществом, роскошью, изобилием, удальством и силою. Древние песни и сказки славили могучих богатырей, сподвижников Владимира I; великолепие его пиров и ласковое его обхождение35.

В стольном городе Киеве,
Что у ласкова, сударь, князя Владимира,
А и было пированье, почетный пир,
Было столованье, почетный стол,
Много на пиру было князей и бояр,
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половину дня,
Княженецкий стол в полу столе…
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черные кудри расчесывает.

Когда пировали, <тогда> богатырь сам наливал чару зелена вина, не велика мера, в полтора ведра, а турий рог меду сладкого в полтретья ведра36.

Законы черпаются из обычаев и жизни народов. Правда, русские и церковные уставы носят отпечатки тогдашнего духа и потребности. В начале X в. мы имели уже училище народное, заведенное в Новгороде для 300 детей37. Междоусобия князей и нашествие татар заглушили первые начатки образования. Словесность и науки нашли убежище в монастырских стенах: там иноки занимались списыванием священных книг, сочинением летописей и поучений. Наставления в. к. Ярослава (1054 г.) к детям его; церковное правило митроп. Иоанна (около 1093 г.), наставника добродетельного и друга несчастных; поучения епископа Луки Жидяты (1059 г.), поучения Владимира Мономаха (1125 г.), сочинения митроп. Никифора (около 1120 г.) – все это ознаменовано сердечным умилением, мольбою к Вседержителю за отечество и народ, который любил добрых князей и пастырей, как дети своих отцов.

«Слово о полку Игореве», древнейший памятник русской поэмы (сочин. в конце XII в.), возглашает славу наших витязей, хвалит доблестный дух народа, который и в несчастье был велик преданностью беспредельной к своему отечеству. Имя сочинителя неизвестно, но его произведение запечатлено силою выражения языка живописного. Начиная поэтический рассказ о былинах своего времени, он с восторгом восклицает о песнопевце Бояне, соловье старого времени, которого вещие персты, касаясь живых струн, рокотали славу нашим витязям. До нас не дошли песни Бояна, но они свидетельствуют, что мы имели еще до XII в. знаменитых стихотворцев, коих творения с древнейшими русскими сказками о делах и богатырях погибли в бедственную эпоху междоусобий и угнетения России.

Выпишем замечательнейшие места. Новгород-северский удельный князь Игорь, исполненный ратного духа, ведет свои храбрые полки в половецкую землю; но, увидев красное солнце, покрытое тьмою, которая распростерлась на его воинов, он воодушевляет их: «Братия и дружина! Лучше нам умереть на поле битвы, нежели достаться в плен. Сядем, братия,

на свои быстрые кони и полетим к синему Дону. Я хочу с вами изломить свое копье на половецких степях; там положить свою голову или шеломом испить Дону! Не буря несет соколей чрез широкие поля; но стадо галок к великому Дону. Лошади ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубят трубы в Новгороде, развеваются знамена в Путивле, – Игорь ждет к себе на помощь милого своего брата Всеволода». Он не замедлил прибыть и говорит своему брату: «Мои воины метки в стрелянии, под звуками труб повиты, под шеломами взлелеяны, острием копья вскормлены, пути им ведомы, овраги знаемы, луки у них натянуты, колчаны раскрыты, сабли заострены. Мои воины носятся в поле серыми волками, ищут себе чести, а князю славы». Игорь разъезжает по чистому полю, но потемневшее солнце преграждает ему путь; ночь стонет грозно и разбуживает птиц, звери рыщут в пустынях. Игорь ведет своих воинов к Дону. Уже птицы хищные предвещают ему беду, волки бегают по оврагам, орлы своим клек<о>том созывают зверей на кости, лисицы воют на червленые щиты. Русские уже за Шеломянем. Ночь долго меркнет, и заря утренняя не всходит. Битва началась: неприятели побеждены; в добычу достались нам дорогие ткани, золото и красные девицы. Но с юга налетели черные тучи – новые полки врагов. Русские стали против них своими щитами. «Всеволод сыплет на неприятелей стрелами, звенит по шлемам булатными мечами. Где сверкнет златый его шишак, там лежат головы половецкие; раздробляются шлемы неприятельские от саблей каленых. Два дни кипит битва страшная. Летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные; земля усеяна костьми и облита кровью; но печаль облегла русскую землю: на третий день к полудню пали знамена Игоря! Недоставало кровавого вина, но храбрые русские кончили свой пир: напоили гостей и сами легли за отечество!

Невеселая настала година! Жены русские восплакали: не видать нам своих милых, ни мыслию помыслить, ни думою сдумати. Застонал Киев скорбью, а Чернигов бедами; тоска разлилась по всей России: Игоря ведут в плен, девицы половецкие поют радостные песни на берегах синего моря и звенят русским золотом. В. к. Святослав роняет золотое слово, омоченное слезами, и говорит: «О, племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы подняли мечи на половецкую землю, а себе искать славы. Несчастно бились, но несчастнее пролили кровь поганую. Сердца ваши скованы булатом и закалены мужеством, но что нанесли моей серебряной седине! Много у нас воинов, но и те без щитов. Величаясь прадединой славою, вы говорили: мужайтесь! Славу прадедов исторгнем и ею увенчаемся! Если сокол летает на добычу, то он нападает свысока». Песнопевец приглашает князей соединиться, чтобы наказать половцев: «В. к. Всеволод! Ты можешь Волгу раскроить веслами, а Дон вычерпать шлемами. О Рюрик и Давид! Не ваши ли позлащенные шлемы плавают в крови? Не ваша ли храбрая дружина рыскает, как дикие волки, уязвленные калеными саблями? Галицкий Ярослав Осмомысл! Сидя высоко на своем златокованом престоле, ты подпираешь венгерские горы своими железными полками, преграждаешь путь королю, затворяешь ворота Дуная, открываешь путь к Киеву, стреляешь за земли султанские – стреляй в Кончака, нечестивого кощея, за землю русскую, за раны Игоревы! А вы, Роман и Мстислав, летая высоко отвагой, как сокол на крыльях ветров, под вашими булатными мечами склоняют головы: литва, ятвяги, древляне и половцы. Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича, знаменитого гнезда шестокрыльцы! Заградите поле врагу своими острыми стрелами за землю русскую, за раны Игоревы!

Уже Сула не течет серебряными струями, а Двина течет болотом, под грозным кликом поганых. Изяслав, сын Васильков, сразился острыми мечами со щитами литовскими и нашел славу: он пал на кровавой траве, изрубленный литовскими мечами. Дружину твою, князь, приодели птицы крыльями, а кровь ее полизали звери. Ты выронил жемчужную душу из храброго тела. Приуныли голоса, замолчало веселие! Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните свои знамена, вложите свои мечи. Вы своими крамолами навели поганых на землю русскую. На берегах Немана они стелют снопы головами, молотят булатными цепями и веют душу от тела. На кровавых берегах Немана не болог посеян, а посеяны кости русские! О, стени, русская земля,

вспоминая про времена первых князей своих!» Супруга Ярослава плачет, говоря: «Полечу незнаемой кукушкой по Дунаю, омочу шелковой (бебрянь) рукав в реке Каяле и утру кровавые раны на изрубленном теле моего друга». Супруга пленного Игоря проливает слезы в Путивле, смотря с городской стены в чистое поле: «О, ветер, ветер! Для чего ты веешь! К чему мечешь ханские стрелы на воинов моего друга? Разве тебе мало веять на горах под облаками, носить корабли на синем море? К чему мое веселие развеваешь? О, славный Днепр! Ты пробил каменные горы в земле половецкой, носил на себе Святославовы ладии к стану Кобякова; принеси ж ко мне моего милого, чтобы я не посылала к нему в море утренних слез моих. О, светлое и пресветлое солнце! Ты для всех теплое и красное: для чего ж падаешь горячими лучами на воинов моего милого, палишь их в безводной пустыне и угнетаешь печалью?»

Плач Ярославны. Художник В.Г. Шварц

Игорь освободился из плена: обманув бдительность стражи, он садится на борзого коня и летит соколом; утомив коня, он садится в лодку и плывет в отечество р. Донцом. Река приветствует князя: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, Кончаку досады, а русской земле радости». Князь отвечает: «О, Донец! Не мало тебе величия, когда несешь на своих волнах князя, стелешь ему зеленую траву на своих серебряных берегах; одеваешь его теплыми мглами под сенью зеленого дерева; охраняешь его гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». За Игорем гнались Гзак с Кончаком: «Тогда вороны не крякали, галки замолкли, сороки не трескотали, лазя по деревьям. Дятлы указывали ему путь к реке, а соловьи повещали возвращение князя веселыми песнями». «Хотя тяжко голове без плеч, – говорит песнопевец словами Бояна, – но худо телу без головы, а русской земле без Игоря. Солнце сияет на небе, Игорь в русской земле! Девицы поют на берегах Дуная; радостные голоса вьются чрез море в Киев: Игорь едет по Боричеву во храм Св. Богородицы Пирогощей». Стихотворец заключает: «Да здравствуют князья и дружина, поборовшие за християн поганые полки. Слава князьям и дружинам!»38

Науки были любимы в уединенной келье. Верхуслава, невестка кн. Рюрика, ревностно покровительствовала ученым мужьям: епископу суздальскому Симону и монаху Киевской лавры Поликарпу (около 1226 г.). Период татарского владычества мрачен для воспоминания, но утешителен крепкой верою. Святители и пастыри проповедовали христианское смирение и утверждали в уповании на Бога-защитника. Духовенство, приобретя большое влияние на народ, умело защищать его пред ханами. Так, митрополит св. Алексей успокаивал свое отечество ходатайством в Орде; архиепископ ростовский старец Вассиан, Демосфен своего времени, напоминал Иоанну III (в 1480 г.) стоять крепко за отечество и веру. «Наше дело говорить царям истину, – писал он к царю. – Что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, тогда мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же от него уклоняешься! Государь! Каким советам внимаешь? Помысли! Предать землю русскую мечу и огню; людей погибели! Чье сердце каменное не обольется слезами от единой мысли? О, Государь! Кровь вопиет на небо. Мы уповаем на Вседержителя, что ты не оставишь нас и не будешь именоваться предателем отечества. Отложи страх: Господь мертвит и живит. Поревнуй предкам своим: они хранили русскую землю и покоряли многие страны. Мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, а разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его»39.

Этот самый период замечателен духовными сочинениями митрополитов Киприана (1406 г.), Фотия (1410), Григория Самблака и Макария, которые, конечно, не все в духе народном, зато везде проникнуты священным чувством любви к отечеству. Такой дух господствовал постоянно в нашем дорогом отечестве; такой дух спас Россию и вручил ее венценосным Романовым. Иоанн В. и Борис Годунов вызывали иностранцев и старались поселить науки. Годунов предполагал даже открыть в Москве университет, по крайней мере высшее народное училище. Царствование его, нарушенное смутами Лжедмитриев, не дало созреть благим начинаниям – это предоставлено было счастливому веку императрицы Елизаветы.

Непоколебимость народа и его слава

Наступала новая гражданская жизнь, появлялись новые источники благоустройства; но это совершилось не вдруг, потому что предстояла еще сильная борьба народу: ему надлежало бороться со своими непримиримыми врагами – соседями: поляками, шведами и татарами крымскими. Укрепляемый любовью народа, Михаил принял царский венец (1613 г. мар. 3). Призванный им единодушно, он ревновал о благоденствии и упрочил его, сколько было возможно.

Избрание Михаила Романова в 1613 г. Художник К.В. Лебедев

Он прекратил споры за московскую корону, уничтожил крамолы внутри отечества и восстановил достояние России; но мы не знаем, кто был во всех сих действиях душою неопытного и юного государя. Когда святитель Филарет томился неволею в Варшаве, кто врачевал тогда раны нашего отечества?40 Кто указывал ему на благо общественное? Видим блистательных полководцев, но они были сильные на войне, а не в совете; были крепкие мужеством, а не знанием науки государственного управления. Кн. Одоевский, истребитель шайки атамана Заруцкого; кн. Пожарский, спаситель отечества, поражавший еще скопища лисовщины41; боярин Лыков, памятный шведам своею доблестью; боярин Шеин, защитник Смоленска, и другие радовали отечество и доказывали его силу42.

Борьба с теми же неприятелями продолжалась в царствование Алексея Михайловича и была упорнее. Зато принятие Малороссии под покровительство России (1654 г. янв. 8) и прекращение войн миролюбивыми и полезными договорами с неприятелями укрепили нас во владении. Великий муж этого времени Аф. Лавр. Ордин-Нащокин много содействовал утверждению Малороссии за Россиею. Друг человечества, достойный сын России А.С. Матвеев тру-

дился и умер за честь и пользу. Недоставало исполинского гения, который вдвинул бы Россию в систему европейских государств, ибо русский народ любил пламенно свое отечество, а с такою любовью чего нельзя было предпринять и совершить? Явился великий ум, и слава России озарилась сиянием Петра. Он соединил нас с Европою и показал нам выгоды просвещения. Мы как бы одним взглядом присвоили себе плоды долговременных ее трудов. Великий монарх едва указал воинам, как надобно сражаться, они уже летали от побед к победам. Явились наши полководцы и доказали, как мы умеем бить шведов и поляков. Победные звуки разнеслись по Европе. Прежний порядок управления изменился, преобразовались все сословия людей, появились лучшие законы, правильные судилища. Между многими доблестными подвигами его полководцев не менее поражает меня кн. М.М. Голицын, взявший Шлиссельбург. Взятие этой крепости было ему поручено; осаждаемые были поражаемы со всех сторон; войска гибли, но не отступали. Царь велел прекратить осаду, но Голицын, влезая на крепостные стены, отвечал посланному: «Скажи государю, я теперь не ему принадлежу, а Богу». Крепость обливалась кровью, и стены ее пали пред Голицыным. Отец народа облобызал с гордостью сына отечества43. Венценосный Петр сам на себе показывал примеры самоотвержения, и между многими: Полтава и Прут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.